

В. Е. Хвоцеев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСИВНОГО И ДОГМАТИЧЕСКОГО

V. E. Khvoshchev

POLITICAL SCIENCE: DIALECTICS OF DISCURSIVE AND DOGMATIC

В статье даётся оценка состоянию развития в российской политологии зарождающейся науки — политической дискурсологии. В ней предпринята попытка противопоставить дискурсивному началу в современной политической науке начало догматическое, рассмотреть то и другое в диалектическом единстве и неразрывной связи. Предлагается классификация догматов, распространенных в российском обществе сегодня, и пути построения догматической науки.

Ключевые слова: *политическая наука, диалектика, дискурс, дискурсология, догма, догматы, догматическая наука.*

Estimation of the state of development of Political Discourse, a science which is emerging in the Russian political science, is given. The attempt to oppose dogmatic beginning to discursive one in modern political science, and to consider both of them in the context of dialectic unity and inextricable connection is taken. The classification of dogma, spread in the Russian society today, and ways to form dogmatic science are suggested.

Keywords: *political science, dialectics, discourse, discourse studies, dogma, dogmata, dogmatic science.*

Политическая наука в России на протяжении последних десятилетий претерпела ряд качественных изменений. В конце прошлого столетия по причинам, заслуживающим отдельного разговора, наука эта утратила остатки активности — способности адекватно отражать действительность и проектировать формы, пригодные для политической жизни. Лишившись созидательной силы, политология перешла в разряд вялых учебных дисциплин и принялась отстраиваться путем некритического заимствования преимущественно западного опыта. Так продолжалось примерно до конца XX столетия, когда наступило пресыщение от политической археологии и появилась потребность в научных исследованиях, пусть лишь у самих исследователей и вне государственного заказа.

Где-то на рубеже веков российская политическая наука стала выходить из застоя, что проявилось в нарастающем разнообразии мнений, суждений, представлений о политике. «Вместе все вещи были: ум же их разделил и привел в порядок» — сказал древний философ. Теперь же ум этот, потеряв смыслы и утратив способность разделять и сравнивать, производит бессвязные дискурсы. Поток разобщённых монологов, где никто никого не слышит, образовал и аморфный политический дискурс, влившийся в странное русло под именем дискурсология. Как всякая протонаука, дискурсология в начале нового века выполняла и продолжает выполнять скромную аккумуляционную функцию.

Вплоть до настоящего времени многоликость политического дискурса отражала растерянность общественного сознания и научной мысли. Складывается ситуация, когда идеологическая полифония российской политики и «деидеологизированное» состояние умов граждан становятся препятствиями для

национальной консолидации общества, потребность в которой то усиливается, то ослабевает в зависимости от тактических манёвров власти.

Можно утверждать, что политическая дискурсология сегодня не готова продуцировать модернизационные идеи, поскольку застряла на стадии феноменологического осмысления дискурса, ограничившись, по сути, простой констатацией явления и описанием присущих ему общих свойств. Несомненно, что пришло время исследования политического дискурса диалектическими методами. Это означает, что понимание объекта, как автономного образования, характерное для феноменологии, придётся дополнить его представлением в виде целостного, системного, динамичного образования. Иначе говоря, категории «дискурс» настала пора подобрать противоположную категорию, в паре с которой она составляла бы некоторое единство, а их полярность указывала бы на вектор совместного развития. Как часто бывает, такое понятие, пусть только в мифическом исполнении, давно существует в публицистике и, главным образом, в религиозной литературе. И это понятие — «догма».

Противоположность догматического и дискурсивного вряд ли нуждается в обосновании, как и тот факт, что и то и другое образуют неразрывное единство, заслуживающее теоретического осмысления в бинарной связке.

Никакая наука не может быть в чистом виде ни догматической, ни дискурсивной. Она неизбежно содержит в себе догму, без чего невозможна научная теория, и в ней всегда есть место дискурсу — критическому или выходящему за рамки догмата. Рискну утверждать, что догма — фундаментальная компонента, определяющая лицо науки. Очевидно и то, что главное предназначение и основная функция

дискурса — быть инструментом формирования или разрушения догм. Поэтому трудно переоценить значение дискурса для науки и практики.

Но дискурс — не самоценный предмет и далеко не достаточный индикатор, как может показаться, свободы общественного или индивидуального сознания. Хотя свобода отдельного человека может выражаться в дискурсе, обязанности, составляющие неотъемлемый элемент свободы, детерминированы догмой.

Человек — субъект многоплановый. Его определяли и как существо разумное, и мыслящее, и креативное, и творческое... Но из всех оценок человеческой сущности едва ли не главная, характеризующая его духовное и нравственное устройство, является *Homo dogmatic* — человек догматический.

Сила человеческого мышления заложена в целостном восприятии мира, покоящемся на изначальных догмах, удерживающих персональную конструкцию нашего мировоззрения. Смысл духовной жизни человека определяется укреплением собственного догмата. На этом пути нас ждут серьёзные испытания: сомнения в истинности своих принципов и столкновения с инаковостью окружающих.

Трудно согласиться с церковным определением догмата, как исключительно вероучительного явления или богооткровенной истины, тем более истины, механически закреплённой Вселенским Собором или Соборными определениями. Такой подход омертвляет теорию догматизма и догматическую науку в целом.

Как видно, догматичность свойственна человеческой природе, является важнейшей характеристикой человека, а догматическое содержание конкретной личности формируется спонтанно, зависит от многих факторов и потому уязвимо для проверки практикой. Догма не может быть истинной или ложной, она, как и дискурс, всегда субъективна и является не только своего рода личностным идентификатором, но и мерой духовно-нравственного содержания индивида.

Разум и жизненный опыт могут истончать догматическое наполнение личности. Обманчивые ощущения гибкости мышления и свободы, приобретаемые взамен догматических пут, на деле нередко бывают предвестниками личностного опустошения и деградации.

Не менее обманчиво распространённое противопоставление догматизма диалектике. Упорядоченное движение в человеческом восприятии всегда догматично, а когда оно становится хаосом, воспринимается как предмет ничем не ограниченного свободного дискурса. Вектор развития того или иного социального процесса отражается в догме, и, в свою очередь, задаётся ею. По этой причине абстрактная борьба с догматизмом представляется реакционным занятием.

С другой стороны, поскольку догма в немалой степени является продуктом человеческого разума, постольку она несёт в себе черты индивидуального своеобразия. Поэтому общественное сознание представляет собой неоднородную совокупность догматов отдельных людей. В этом контексте общественное сознание есть дискурс индивидуальных догм граждан.

Механизм понимания догматического и дискурсивного начал человеческого бытия требует оговорки диалектического плана. Дело в том, что в реальной жизни идут процессы догматизации дис-

курса и дискурсивного разрыхления догм. Процессы эти затрагивают как общество в целом, так и каждого человека, в отдельности. При этом предрасположенности индивида к широкому внутреннему дискурсу является психиатрической проблемой, а разнообразие дискурса общественного — признаком нестабильности и надвигающейся смуты. К сожалению, современный российский дискурс, не имея какой бы то ни было идейной опоры, не может догматизироваться в должной мере, обрести свойственную догмам ясность и определённость, отчего и дискурсология остаётся бездонным вместилищем разнородных несистематизированных взглядов. Несомненно, что дискурсология без догматической науки не способна не только к серьёзному анализу накопленного материала, но и к его простейшей группировке, не говоря уже о научной классификации.

Место и роль догматики в жизни индивида и общества традиционно недооценивались наукой, хотя миром всегда правили догмы. На практике правящие социальные группы стремятся догматизировать общественное сознание средствами идеологической обработки, обеспечивая тем самым политическую стабильность и государственную управляемость.

В отличие от правителей оппозиционные силы действуют, как правило, противоположно, пытаясь навязать обществу свою догму (как, например, коммунисты) либо вовлечь его в бессмысленный дискурс, ослабляющий догматическую позицию власти (как, например, либералы).

На современной политической арене России в наибольшей мере сохраняют влияние коммунистический, либеральный и православный догматы.

Первый из них пытался и пытается строить догмат на строгой научной основе — симбиозе философии, политэкономии и политологии. Кризис современного Коммунистического догмата во многом обусловлен хроническим дефицитом соответствующего дискурса и заинтересованной дискредитацией его научной базы. Следует отметить, что проблемы догматизма часто возникают и по вине радикальных догматиков. Опасаясь рисков для догмы, активные апологеты стремятся любыми средствами уничтожить не выгодный для себя дискурс. На этой почве возникали кампании по борьбе с реформизмом в Советском Союзе, Китае, других социалистических странах, в конечном итоге препятствовавшие творческому развитию марксизма и коммунистическому строительству.

Казалось бы, особенно благосклонен к дискурсу Либеральный догмат. Его апологеты декларируют широкие свободы и права человека, приверженность социальной справедливости и гармонию с человеческой природой. На деле свобода как догма всего лишь вывеска либерализма, скрывающая его настоящую догматическую сущность — оправдание неравенства, несправедливости, несвободы. И если Коммунистический догмат стремился ограничить дискурс, то догмат либеральный стимулирует его хаотичность и умело прячется за нагромождениями пустых дискурсивных форм. Но и либеральный дискурс в настоящее время утратил доверие россиян, а Либеральный догмат не прошёл в нашей стране (и не только в нашей) проверки практикой и отторгается обществом.

Догмат православной церкви в России, как и любой религиозный догмат, продолжает покоиться на таинстве откровения. Его служители подавляют

критический дискурс в адрес религии и церкви, рассчитывая на успешную эксплуатацию веры людей. Известно, что любая вера построена на догме; где нет догмы — нет веры. Безверие дискурсивно. Справедливо и обратное: дискурс разрушает веру и порождает безверие. Безверие не признаёт догматов, а, значит, не оставляет места для творчества и активности субъектов. Всякое творчество есть реализация догмы, попытки реализации дискурса неизбежно сюрреалистичны. Отсюда понятна и природа творческого вдохновения субъекта: вдохновения позитивного, когда творцом овладевает догма и он стремится воплотить ее содержание в произведении искусства, и негативного «больного» вдохновения, когда художник путается в дискурсе и отражает свои сомнения в иррациональном продукте. Этими обстоятельствами объясняется отношение церкви к догматизму и дискурсу, ее поддержка догматической науки собственного производства.

Многие догматы в современной России, не имея открытого доктринального выражения, находятся в латентном состоянии. Один из них заслуживает особого упоминания — Антикоммунистический догмат, сотканный из объемной пряхи антикоммунистического дискурса. Это политическое создание, будучи паразитическим наростом на базовом догмате, не способно обрести самостоятельную догматическую определенность и вынуждено скрывать знакомую с советских времён личину антикоммунизма под агрессивным дискурсом.

Следует признать, что Антикоммунистический догмат был в последние десятилетия основой, по крайней мере, внутренней политики России. Но поскольку теория и практика коммунизма в стране отсутствуют, а коммунистические настроения — субстанция виртуальная, то и современный российский антикоммунизм существует в виртуальной форме и дискурсивном распыле. Антикоммунистический дискурс в сегодняшней России власть поддерживает как профилактическую меру против возврата общества в неудобное ей состояние.

На протяжении своей истории человечество не оставляло попыток создать универсальную догму, устраивающую всех и каждого, и вершиной интеллектуальных усилий в этом направлении можно считать «категорический императив» И. Канта. Кантовская «формула» (а формула есть концентрированное выражение догмы) определяющим догматом показателем ставила нравственность. Это тот, едва ли не единственный компонент, который в лихой XXI век можно противопоставить аморальному дискурсу, навязываемому обществу разрушающей его культурой. Так, по иронии судьбы идейно противостоящее советской России кантианство готово стать основой российской национальной идеи и надеждой на выживание.

Разумеется, что кантианство, как мировоззрение, а тем более, как инструмент политики, не может распространяться на современную эпоху без актуализации. Но, стоя на плечах Канта, по образному

выражению американского профессора Д. Парфита, можно рассмотреть новые горизонты современности. И он — Д. Парфит — это посылно делает, пытаясь внести изрядную долю прагматизма в абстрактную и разбалансированную деонтологию И. Канта. Такого рода усилия следует расценивать как приглашение к дискурсу по поводу модернизации универсального кантовского догмата.

Убедительно критикуя контрактуализм Канта и близких ему по духу своих коллег, Д. Парфит невольно обращается к самым общим вопросам моральной философии и, по сути, приступает к строительству светской догматической науки на рациональной основе. По-видимому, развитие дискурсологии связано с основательной разработкой именно такого варианта догматической науки. Лишь на этом пути можно рассчитывать на становление конструктивного дискурса, способного проектировать новые эффективные догмы или совершенствовать старые.

Крайне важно отметить и то обстоятельство, что основные догматы современности страдают старым и неизлечимым недугом — двуличием, когда за декларируемой или иллюзорной догматикой скрываются реальные интересы конкретных общественных групп — все то, что Д. Парфит воспринимает как противостояние контрактуализма и актуализма, универсальных принципов должностования и конкретной жизни, допускающей определённые, диктуемые, якобы, временем нравственные послабления. Логика политической близорукости, классовая слепота неизбежно подталкивает таких исследователей к пессимистическим суждениям, из которых вытекают апокалипсизмы типа «конец истории» (Ф. Фукуяма), «конец веры» (С. Харрисон), конец морали и нравственности...

По этой же причине в российской науке продолжает сохраняться тупицкая ситуация, когда на протяжении четверти века разлагающее влияние на общественное сознание оказывает политически дезориентированный, а потому бесплодный для догмаобразования, а, значит, и для социального прогресса, дискурс.

Решение этой проблемы нужно начинать с простого: догматическое, разошедшееся с действительностью, подвергать критическому дискурсу, а дискурсивное настойчиво перерабатывать в универсальную догму. С обязательным условием — формирование общественной догматики строить с политических (классовых) позиций на этических принципах и нравственно-ориентированном дискурсе.

Примечания

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. — М.: АСТ, 2004.
2. Харрис С. Конец веры: религия, террор и будущее разума / [пер. с англ. М. И. Завалова]. — М.: Эксмо, 2011. — 496 с.
3. Derek Parfit. On what matters. — 2009. — 895 с.

Поступила в редакцию 10.02.2012 г.

ХВОЦЕВ Владимир Ефимович, заведующий кафедрой политологии, председатель Челябинского регионального отделения Российской ассоциации политической науки, Южно-Уральский государственный университет. E-mail: vek@susu.ac.ru

KHVOSHCHEV Vladimir Efimovich is the head of the Department of Political Science, a chairman of Chelyabinsk regional branch of the Russian Association of Political Science of South Ural State University. E-mail: vek@susu.ac.ru